СОСТОЯЛОСЬ ЛИ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ?

(Материалы «круглого стола)

5 апреля 2006 г. В Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации прошел «круглый стол» по теме «Состоялось ли гражданское общество в России?». Организаторами обсуждения выступили журнал «Социологические исследования», Социологический центр РАГС, кафедра социологии РАГС, вестник «Социология власти» РАГС.

Для участников был подготовлен материал, содержащий результаты социологического исследования, проведенного Социологическим центром РАГС в ноябре 2005 г.[1]

Открыли и вели заседание «круглого стола» директор Социологического центра, заведующий кафедрой социологии РАГС, главный редактор вестника «Социология власти» доктор философских наук, профессор **В.Э. Бойков**, и главный редактор журнала «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор **Ж.Т. Тощенко.**

Для обсуждения были предложены следующие проблемы:

Существует ли взаимодействие между государственной властью и гражданским обществом на федеральном и региональном уровне?

Как используются институты гражданского общества в России?

Каковы перспективы осуществления реформы самоуправления в российском обществе?

В обсуждении проблем приняли участие: **В.К. Егоров** – президент-ректор РАГС, заведующий кафедрой теории и практики культуры, доктор философских наук, профессор; **В.К. Левашов** – заведующий отделом стратегических и социально-политических исследований ИСПИ РАН, доктор социологических наук; **И.Д. Жук** – депутат Московской областной думы; **С.В. Туманов** – директор Социологического центра МГУ им. М.В.Ломоносова, доктор философских наук, профессор; **О.Ф. Шабров** – заместитель заведующего кафедрой политологии и политического управления РАГС, доктор политических наук, профессор; **И.Г. Яковлев** – директор научно-исследовательского центра Московского городского университета правительства Москвы; **Г.И. Марченко** – кандидат философских наук, доцент философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **В.И. Патрушев** – доктор социологических наук, профессор РГСУ; **В.Ю. Леденева** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии РАГС; **О.А. Митрошенков** – заведующий сектором Социологического центра РАГС, доктор философских наук, профессор; другие специалисты.

[1] Результаты исследования, а также некоторые аналитические материалы и статьи опубликованы в вестнике «Социология власти». 2005. №6.

Тощенко Ж.Т., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Социологические исследования»

Тема, сформулированная вопросительно, ориентирует на то, чтобы мы сопоставили и высказали не только утверждающие взгляды, но и размышляющие над тем, состоялось ли гражданское общество в России. По проблемам гражданского общества существует огромное количество различных точек зрения, я думаю, мы коснемся их, но все-таки основное внимание надо уделить именно попытке ответить на этот вопрос.

Я хотел бы озвучить несколько тезисов.

Первый. Понятие «общество» в научной литературе и учеными начало использоваться только в XVII и XVIII вв. И если мы сейчас употребляем понятия «рабовладельческое», «первобытно-общинное общество», то сегодняшнее мышление опрокидываем на устоявшийся процесс и, таким образом, уже сегодняшними категориями мыслим об этом феномене. Почему именно в XVII в. появилось понятие «общество»? Потому что в это время стали формироваться силы, которые могли оппонировать государству, противостоять ему, высказывать иную точку зрения, претендовать на то, что проблемы развития страны можно решить по-другому. Это связано с появлением политических партий, общественных организаций. Стала формироваться буржуазия, которая претендовала на политические права, не имея их. Появилась оппонирующая политической власти и государству сила. Поэтому когда мы употребляем понятие «общество», обращаясь к прошлому, то надо иметь в виду, почему и каким образом возник этот феномен.

Второй. Когда возникло гражданское общество? Я связываю его с Великой французской революцией, когда к тем новшествам, которые появились после Английской революции в XVII в. – партиям, общественным организациям, движениям, различным объединениям – добавилось принципиальное осознание, что каждый человек может претендовать на участие в общественно-политической жизни страны. Этот момент вовлеченности каждого человека я считаю критерием формирования общества. Но если это требование было провозглашено, то это не значит, что оно было реализовано. Оно не реализовано и до сих пор – ни в полном объеме, ни в тех государствах, ни в тех странах.

Положение «свобода, равенство, братство», невзирая на вероисповедование, пол, возраст, доходы, было обращено именно к человеку. Поэтому второй мой тезис связан с тем, что человек смог претендовать. Иногда я в студенческой аудитории или среди аспирантов

предлагаю назвать, когда, в какой стране в Европе женщины были допущены к избирательному праву. Обычно никто не знает. И удивляются, когда узнают, что это был 1946 г. и была это Швейцария, самая древнейшая, кстати, республика, т. е. вопрос к тому, что по полу, по возрасту, по доходам, по национальной, по религиозной принадлежности она иногда кусочками, отдельными моментами реализовывалась.

Третий тезис. Таким образом, гражданское общество – это феномен человека, хотя нельзя отрицать участие политических партий, общественных организаций, объединений, разнообразие которых возникает и по политической, и по социальной, и по экономической, и по культурной, и даже по спортивной проблематике. Перечень этих организаций увеличивается, в какой-то мере они представляют различные возможности реализации этого права. Даже общество садоводов или общество автолюбителей – это тоже определенная реализация некоторых аспектов гражданского общества.

Так состоялось ли в России гражданское общество? Я бы сказал, что и да, и нет. Многие знают мою монографию «Парадоксальный человек» и концепцию парадоксального человека, и я считаю, что сейчас, рассуждая о гражданском обществе, мы встречаемся с этой парадоксальностью. С одной стороны, люди высоко оценивают возможность свободы слова, передвижения, еще ряд позитивных моментов. Но одновременно возникает вопрос о возможности и праве влиять на решение государственных дел, даже на уровне местного самоуправления, о возможности его реализации.

Я принимал участие в международном исследовании, уже прошло несколько этапов, последний был в прошлом году; опрашивали мы в 77 регионах по 15 человек: по 5 человек от исполнительной власти, представительной и общественных организаций. Это, собственно, то звено, которое является лицом района, города, на уровне местной власти, местного самоуправления. На вопрос: «Как вы считаете, нужно, чтобы население принимало участие в управлении?», 80% сказали – «да». Через некоторое время спрашиваем: а реально оно у вас участвует? И эти же люди мне сказали, что лишь 12–13% участвуют. Вот позиции тех людей, которые прекрасно понимают, что это надо, и какова практическая реализация.

И еще одно противоречие. С одной стороны, иногда предпринимаются очень интересные акции и на уровне государства, и на уровне субъектов Федерации. Некоторый опыт местного самоуправления, способы решения внушают оптимизм. С другой стороны, если люди попадают в трудное положение, то по сравнению с советским периодом, когда жаловались в партком, профком, завком, они в подавляющем большинстве говорят: сейчас мы надеемся только на близ-

ких, на родных, на тех, кто непосредственно связаны узами. А представительство официальных органов присутствует в рамках нескольких процентов, максимум 15%, когда еще надеются на руководителя предприятия или на подобное.

У Салтыкова-Щедрина в «Истории одного города» в этом городе было 17 губернаторов. Салтыков-Щедрин – писатель, который сам был вице-губернатором, он говорил: основное назначение российской власти – держать народ в состоянии крайнего изумления. Часто про решения, которые принимаются, мы говорим: во дает! С одной стороны, есть высокая оценка определенных актов, с другой – высокая негативная оценка и собственного положения, и действий властей.

Мы можем говорить о том, что в России есть начала гражданского общества, но до тех пор, пока человек не почувствует себя силой, возможной влиять хотя бы на уровне местного самоуправления, о гражданском обществе как состоявшемся говорить рано.

Бойков В.Э., доктор философских наук, профессор, директор Социологического центра, заведующий кафедрой социологии РАГС, главный редактор вестника «Социология власти»

С моей точки зрения, при всей неустоявшейся определенности понятия «гражданское общество», при всей широте и разнообразии его трактовок все же оно ориентирует на социологический подход прежде всего. То есть не столько на изучение различных институтов гражданского общества, сколько на анализ того, как люди относятся к государству как, условно говоря, к продукту общественного договора, органу, который должен регулировать взаимоотношения в обществе и акцентировать внимание на таком понятии, как «гражданская активность» или, может быть, в более широком смысле «социальная активность». Она выражается не только в политическом участии, что чаще всего анализируют социологи, но и в решении многих бытовых, культурных и других проблем. И если эти два ориентира взять, то это, действительно, четкое выражение социологического подхода к анализу общественных явлений и процессов.

Несколько проблем отчетливо высвечиваются в наших исследованиях, которые, естественно, посвящены изучению или решению практических задач. Первая проблема – это глубочайшее отчуждение населения, различных социальных групп и институтов от государства. Многие социологи считают, что категория «отчуждение» не может быть операционализирована в социологических понятиях и с помощью социологических индикаторов. Конечно, во всей полноте ни одно понятие не может быть операционализировано. Тем не менее такие индикаторы есть. Какие? Когда человек не понимает поли-

тику государства, не доверяет государству, отстранен от государства и т. д., это, хотя бы в социально-психологической форме, и есть проявление реального отчуждения – и правового, и экономического, потому что форм отчуждения может быть очень много.

Согласно нашему исследованию, доля респондентов, отметивших непонимание смысла и цели экономической и социальной политики – 78–80%, это устойчивая цифра, и она начинается от 1990-х гг., когда начались реформы. В 2002 г. – 78%, в 2005 г. – 81%, причем эксперты – это чиновники федеральных и региональных органов исполнительной и законодательной власти, они тоже оценивают: «да, люди не понимают ни цели, ни смысла политики, проводимой государством».

Посмотрим на оценки деятельности конституционной нормы «равенство всех перед законом». В Конституции записано, что все равны перед законом и судом. Как оценивают люди это равенство? От 60% до половины считают, что на чиновников милиции, прокуратуры и т. д. эта конституционная норма не распространяется абсолютно. Может быть, люди ошибаются, но мы в повседневной жизни видим, что это действительно так: к одному применяются нормы одни, а к другому человеку – иные.

Это отчуждение – не просто социально-психологическое, оно дополняется тем, что публичная политика, публичная власть и частная жизнь сегодня разделены. Люди, уходя в частную жизнь, борясь со своими проблемами, естественно, не заботятся о политике и государстве, государство чуждо для них.

Это вторая проблема, она связана с отчуждением, разделением публичной политики и частной жизни. Характерно отношение избирателей к участию в выборах. Мы все годы проведения выборов задаем вопрос: «Как вы считаете, участие в выборах – обязанность гражданина?» Две трети говорят: «да». А «Участие в выборах дает вам возможность повлиять на власть?» Если в 1995 г. 62% считали, что посредством выборов можно влиять на власть, то в 1999-м, 2003 гг. – только 20–21%, а сейчас этот уровень еще ниже. Поэтому люди перестали ходить на выборы, хотя считают, что поступают неправильно. Это отстраненность.

Еще вопрос: «Как вы считаете, у таких людей, как вы, есть возможность влиять на деятельность властей?». Две трети говорят: «нет». Дальше: «Хотели бы вы участвовать в управлении общественными делами в своем поселке, районе городском и т. д.?». Тоже две трети без малого говорят: «нет, не хотел бы участвовать», потому что не видят в этом никакого смысла.

Так состоялось у нас гражданское общество или нет? Институционально вроде бы все в порядке: профсоюзы и партии есть, фонды существуют, общественные организации, женские и т. д., но, по сути

дела, только около 3% дееспособных граждан участвуют в какой-то партийной деятельности. Вообще все эти институты гражданского общества лучше бы, наверное, не существовали, поскольку они стали какой-то тенью государственных структур, например, партия «Единая Россия» или некоторые другие. Раньше профсоюзы, комсомол были приводными ремнями партии, все было ясно, а теперь нет, они вроде бы самостоятельные. У нас институты или торпедируют государство, причем разрушительно, например, некоторые средства массовой информации, или становятся квазиинститутами. Это затушевывает проблему, вроде по видимости все нормально, есть возможности, каналы, формы реализации гражданской активности, а на самом деле это не каналы, а глушилки гражданской активности.

Тощенко Ж.Т.

И люди чувствуют это.

Бойков В.Э.

Да, чувствуют. Пять лет назад наиболее действенными формами гражданского волеизъявления считали акции массового протеста, митинги, демонстрации 20% респондентов, сегодня – почти половина. Эта тенденция может приобрести протестный, я бы сказал, разрушительный характер.

Смысл гражданского общества – в консолидации интересов, в проявлении волеизъявления. У нас гражданское общество в тех формах, в которых проявляется, приводит к обратному эффекту. И пока не будет гражданского общества, говорить о демократии, о прогрессе, о свободе личности и т. д. бессмысленно.

Левашов В.К., доктор социологических наук, заведующий отделом стратегических и социально-политических исследований ИСПИ РАН

Организаторы нашего «круглого стола» поставили вопрос, с одной стороны, широко, с другой – конкретно. И ответить на него одновременно и легко, и трудно.

Конечно, оно не состоялось, если говорить обо всех гражданах, о привлеченности их к социальным и политическим процессам. С другой стороны, оно состоялось, поскольку признаки гражданского общества есть. И в этой связи мне хотелось бы сказать о том социально-политическом контексте, в котором активно развивается эта дискуссия, и не только в России, но и в мировом научном сообществе.

Сегодня налицо кризис демократических институтов, кризис неэффективности политических институтов буржуазного государства и активного поиска новых функций, путей и инструментов для того, чтобы оптимизировать отношения между гражданами и государством. То, что сегодня происходит в Париже, ярчайшая иллюстрация того, что здесь не все благополучно, и не только лишь в экономике, а в целом кусте социальных и политических отношений.

Вторая составляющая социально-политического контекста – изменившаяся обстановка у нас в стране после 1991 г., когда резко активизировались социальные и политические протесты, когда активно было мобилизовано понятие «гражданское общество» и с его помощью пытались измерить и понять: а что же происходит в нашей стране, куда идут процессы, являются они прогрессивными или, наоборот, в каких-то своих отдельных частях являются регрессивными.

Есть много оценок и мнений по поводу природы гражданского общества. Одни исследователи противопоставляют социальные отношения политическим, другие говорят, что гражданское общество возникает вне сферы деятельности государства. С концептуальной позиции, на мой взгляд, еще не произошло сущностного определения гражданского общества, здесь еще идет дискуссия, и не только у нас. До конца все признаки, все критерии гражданского общества еще не сформированы.

Чтобы прояснить ситуацию, нужно обратиться к истории, к генезису понятия гражданского общества, к генезису социального, политического процесса. Жан Терентьевич Тощенко апеллирует к XVI–XVII вв. У нас есть памятники великим гражданам России, которые спасли Российское государство на этом рубеже, поэтому можно говорить о том, что уже тогда существовало в России гражданское общество – Минин и Пожарский. Но, на мой взгляд, процессы установления гражданского общества прошли раньше, они связаны с появлением института имущественных отношений и отношений по этому поводу между гражданами и государством. Как только появился институт собственности, возникла необходимость оформлять эти отношения, появились свободные граждане. В греческом полисе появились свободные граждане, причем ясно, что не все члены общества были свободными гражданами, и поэтому сфера гражданского общества объединяла лишь совокупность членов общества, которые являлись гражданами.

Чтобы понять природу гражданского общества, необходимо оперировать таким понятием, как «социализация государства». Медленно, сквозь века шел процесс понимания государством интересов граждан, постепенно оно все больше вовлекало их в процесс политического и социального управления. Когда классики марксизма говори-

ли об отмирании государства, то в первую очередь имелся в виду этот процесс, что граждане принимали на себя в повседневной жизни часть государственных функций по управлению обществом. Они активно вовлекались в процессы социального и политического управления по мере того, как расширялся ареал свободных граждан. При этом гражданское общество было неравнозначно и неодинаково по своему качественному и количественному составу.

Это то, что касается диалектики понимания гражданского общества. Гражданское общество есть изменяющееся в своей сущности понятие, которое по мере того, как развивается человеческое общество, как в нем появляется новое качество, меняет свои сущностные количественные и качественные характеристики.

Теперь что касается динамики гражданского общества и можно ли его измерить. На мой взгляд, отвечать на вопрос нужно социологически. В какой степени оно состоялось, в каком количестве гражданское общество присутствует в России, в других странах и где мы на этом пути находимся? Эмпирический материал, который нам предложили, результаты исследований, которые мы получили, позволяют судить, в какой степени, действительно, есть гражданский потенциал в российском обществе. Вот индикатор, который был в вашем последнем исследовании – сомнение в гражданской направленности проводимых реформ: 44% респондентов считают, что эти реформы проводятся в интересах бюрократии, 30% говорят, что эти реформы проводятся в интересах крупного торгового и промышленного бизнеса.

Если взять данные нашего мониторинга «Как живешь, Россия?», то у нас там есть оценки даже жестче, но там индикатор в такой редакции: отвечают или нет проводимые экономические преобразования интересам большинства населения? Ответ «Да» где-то на уровне 12%, причем этот показатель не меняется на протяжении последних 15 лет. Таким образом 12% граждан России считают, что экономические преобразования, проводимые в нашей стране, отвечают их интересам. Вот потенциал гражданского общества, вот настолько это гражданское общество существует у нас.

Возьмем другой индикатор, более жесткий: чьи интересы выражает и защищает сегодня государство? Этот мониторинговый индикатор идет с 1991 г. Вот январский (2006 г.) опрос: интересы государственной бюрократии – 51%, богатых – 50%, всех граждан России – 10%, средних слоев – 8%. Средних слоев 8% – вот потенциал гражданского общества, по сути дела, если говорить о том ответе, который мы хотели бы услышать от общества.

Еще один социологический индикатор, который тоже показывает потенциал гражданского общества в нашей стране: кто в первую оче-

редь выиграл в результате приватизации государственной собственности, прошедшей в нашей стране? Вот такие значения: теневые дельцы – 41%, работники управления, чиновники управленцы – 37% и т. д., там полный набор есть. Но здесь есть и позиция: выиграло все общество – 5%. Вот эти 5% – по сути и есть потенциал гражданского общества.

На мой взгляд, есть своеобразное социально-политическое противоречие по поводу того, что большая часть – до 50–51% членов нашего общества считают, что являются средним классом. Причем они относят себя к среднему классу не только по признаку имущества, собственности, денежных доходов, но в первую очередь по признаку статуса, образования, того места, которое занимают в жизни. Мы задавали неоднократно этот вопрос, он у нас звучал в такой редакции: «К какому классу вы себя относите?» Средним классом себя считают 52% (октябрь 2003 г.) Но если мы возьмем самооценку денежных доходов, размеры пенсий, то увидим, что обеспеченных в обществе всего лишь навсего 11%, т. е. по самооценке денежных доходов: богатых – 2%, обеспеченных – 11%, ограниченных в средствах – 39% и бедных – 36%. Это есть прямое противоречие, которое необходимо каким-то образом разруливать.

Мы попытались собрать все социологические индикаторы в единую измерительную систему и с ее помощью измерить гражданский потенциал российского общества. Оказалось, что в настоящее время потенциал гражданского общества в России от 5% до 10%. Вот признаки, которые говорят о том, что для определенной части гражданского общества существуют и работают те инструменты, те отношения, которые и характеризуют отношения гражданского общества.

Тощенко Ж.Т.

Виктор Константинович затронул вопрос и объективных, и субъективных показателей, их оценивать очень интересно. Иногда для этого необходимы социально-психологические параметры. Мы осенью опубликовали в журнале обследование сельского населения в Иркутской области: там, где леспромхозы закрыты, колхозы прекратили существование, вдруг мы получаем цифру, что 60% – средний класс. Люди говорят: картошка есть, в тайгу сходим – «нашишкуем», рыбы наловим, мы не раздеты, значит мы – средний класс. Это к понятию о том, как нужно иногда понимать. Если применить такое понятие «среднего класса» в Дании или во Франции, вообще будет абракадабра.

Жук И.Д., депутат Московской областной думы

Я хотел бы на сегодняшнем «круглом столе» остановиться на третьем вопросе: каковы перспективы осуществления реформы самоуправления в российском обществе. В Московской области реформа самоуправления проходила стабильнее, чем в других местах. Этому сопутствовало то, что мы находимся рядом с Москвой, есть возможность многие вопросы решать совместно. Реформа муниципальных образований, предусмотренная 131-м законом, к сожалению, проходит не так гладко и с большой пробуксовкой. Причин много.

Как может развиваться общество, если задумали сделать одновременно 5 реформ, плюс постоянный рост цен на энергоносители? У нашего населения складывается такое мнение – я бываю часто на всей территории Московской области, знаю ситуацию по каждому городу – что оно не понимает политику, для чего это все делается. Ведь даже если одну реформу провести, она и то не всегда давала движение сразу вперед, чаще всего она давала шаг назад.

Я уверен, что спасут наше общество ученые, надо к ним прислушаться, надо знать, как на это смотрит наука, как она подсказывает, что нужно сделать, чтобы у нас было гражданское общество. И люди ждут, потому что понимают, что все мы делаем для того, чтобы было лучше жить человеку.

У более чем половины муниципальных образований Московской области сегодня есть представление, как дальше жить в связи с реформой местного самоуправления. Но мы приняли закон, приняли кодексы, но не продумали, что общество не подготовлено к этому, что у нас сегодня огромнейший голод кадров, работающих именно в низшем звене муниципальных образований, в поселениях отсутствие кадров. Избрались главы городов и депутаты, мы знаем, по какому методу, большинство из них – кто больше заплатил, тот и прошел, тут секрета никакого нет, мы это знаем прекрасно. Поэтому они тоже не знают, как делать это общество.

Московская областная дума внесла много предложений в закон о местном самоуправлении, потому что тот вариант, который пришел в правительство, нельзя было рассматривать в Государственной Думе. И с помощью множества поправок со всей страны удалось добиться, чтобы он стал более или менее приемлем в повседневной работе.

Но много проблем, конечно, осталось, они накопились за длительное время. Возьмем, например, жилищно-коммунальное хозяйство. Его вроде бы все знают, знают, как все сделать. Но все делается наоборот, и до такой степени, что каждый год все хуже и хуже. Сегодня сказано, что должно управлять им именно общество, т. е. владельцы

квартир, владельцы домов, заниматься все своими домами. Но никто не подумал, что сегодня мы дома новые сдаем, там понятно, все новое и можно управлять и можно заниматься по тем деньгам, которые собираются, потому что квартплата растет каждый год. В прошлом году в некоторых районах она выросла до 40%, в этом – на 18% и больше. Пенсия и средняя зарплата по всей стране не успевают догонять. А что делать со старым жилищным фондом? Сегодня ЖКХ нужно развивать по другой схеме. Сегодня есть только недовольство нашего населения, притом на всей территории.

Реформы идут очень трудно, а в некоторых местах просто не будут идти, буксовать будут, потому что недоработаны. Я занимаюсь вопросами развития дорожной сети на территории Московской области. Оказывается, что в 2004 г. в России было 30 тыс. деревень, откуда люди не могли попасть в свои районные центры. В Московской области таковых 900 деревень. А на этот год, по статистике, уже 50 тыс. деревень, откуда не могут попасть, потому что даже те оставшиеся грунтовые дороги, которые были, разбиты тракторами. Можно ли говорить сегодня о вопросах образования, здравоохранения, ЖКХ, если в России такое бездорожье? Без развития дорожной сети мы не реализуем ни одного национального проекта. Сегодня теряется более 500 млрд рублей только потому, что вовремя люди не могут подъехать.

Правительство нередко вносит вопросы, не продумав до конца возможность их решения, не прояснив, как это скажется на качестве жизни населения. Я считаю, что главный вопрос любой реформы – как будет улучшаться жизнь основного населения. Если такая задача не будет ставиться по каждому вопросу, по каждой программе или закону, значит, мы не сумеем создать необходимого правового поля, которое нам дало бы возможность создать настоящее гражданское общество. Нужно более настойчиво обращаться и к Президенту, в том числе через региональных депутатов, для того, чтобы услышали, что без науки мы не создадим нормальное гражданское общество. Должны четко понять это и в правительстве, и в Государственной Думе, и в Совете Федерации, и во всех регионах.

Бойков В.Э.

Когда мы обсуждаем проблемы становления гражданского общества, особенно в либеральном контексте, то печемся о независимости граждан от государства, что государство слишком довлеет и т. д. Но на поверку, судя по этому выступлению, у нас государство в лице правительства стало независимым от населения.

Туманов С.В., доктор философских наук, профессор, директор Социологического центра Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Я сформулирую три тезиса, которые могут быть предметом для дискуссии.

Первый. На протяжении последних полутора столетий в нашем Отечестве существовала специфическая социальная группа, которая была очень эффективным индикатором отсутствия гражданского общества. Это интеллигенция. Как известно, в структуре западного общества такой группы нет. Я бы не стал утверждать, что это специфический российский продукт, хотя такая точка зрения существует и достаточно распространена. На мой взгляд, интеллигенция возникает в странах, которые вступают в стадию индустриального общества, требующую независимого от государства собственника и квалифицированного, достаточно самостоятельного работника, когда в силу ряда конкретных исторических причин в этих обществах, в этих странах нет нормальных зачатков гражданского общества.

В этой ситуации на плечи интеллигенции ложится исполнение функции отсутствующего гражданского общества, если не общественный контроль за государственной властью, то, по крайней мере, оппонирование ей с позиции интересов народа в целом.

Как любой паллиатив, интеллигенция выполняла эти функции противоречиво, порой уродливо, и об этом писал еще Ф.М. Достоевский, а потом практически каждый серьезный российский и советский писатель. В какие-то периоды эта группа объявляла свое право быть лидером в выражении интересов народа, будь то революция 1905 г. или трансформация коммунистической системы. В какие-то периоды она, наоборот, подчиняла себя реализации этих интересов, как, скажем, народники или та часть интеллигенции, которая сознательно пришла на службу Советской власти. Но в любом случае речь шла о некой специфической миссии – исторической миссии интеллигенции. Собственно, она и делала российских интеллектуалов интеллигенцией.

Вот этой группы, на мой взгляд, сегодня в России больше нет. По результатам наших опросов (последний в 2003 г.), есть 5–7% людей, которые считают себя интеллигентами. Большей частью это люди старше 50 лет, основная задача которых сегодня – выжить и помочь выжить своей семье. Есть женщины в возрасте 30–50 лет, которые тоже идентифицируют себя таким образом, но они понимают это понятие как интеллигентность, т. е. соотносят себя с определенным культурным уровнем.

Крах советской, по сути дела, всей российской интеллигенции произошел на наших глазах на рубеже 1980–1990-х гг., когда у нее

появилась возможность реализации ее исторической миссии. Новейшая российская история не оставляет сомнений в том, что интеллигенция приняла самое активное участие в сломе той общественной системы, в рамках которой она только и могла существовать. Но она оказалась совершенно не способной реализовать те лозунги гражданского общества, демократии и свободы, которые были вынесены на ее политические знамена. Несостоявшиеся в своей профессии завлабы, которые тогда правили от имени народа, в лучшем случае, руководствовались корпоративными интересами, но чаще всего – личными.

Означает ли исчезновение интеллигенции становление гражданского общества? Боюсь, что нет. Издевательский парадокс нашего времени состоит в том, что функцию контроля за властью у нас осуществляет сама эта власть. Понимая ненормальность положения, она, по возможности, маскирует эту ситуацию, инициируя создание разного рода декоративных структур, которые призваны символизировать становление и даже функционирование гражданского общества. Но в российской истории все это уже было. В XVIII в. главным радетелем интересов народа была матушка-императрица, а ее главными помощниками в этом благородном деле были помещики, «отцы родные» своим холопам. Тогда писалось Гражданское уложение, создавались комиссии, и причина этой государственнической активности была та же самая – стремление понравиться цивилизованной Европе.

Поговаривают, что сейчас раздается все более предметная критика по поводу слабости российского гражданского общества. Значит, есть шанс увидеть новые «потемкинские» деревни, потому что давно известно, что и у абсолютистской власти, и у власти буржуазии, и у власти бюрократии нет более серьезного противника, чем гражданское общество. В XVIII в. вовремя спохватились и остановились, и сегодня во власти у нас сидят не альтруисты, так что будем иметь то, что имели.

Все, о чем я сейчас говорю, это следствие отсутствия гражданского общества или факторы, которые не способствуют его становлению. А по сути ведь речь идет об экономической самостоятельности и способности к самоорганизации. Вот, на мой взгляд, в чем суть гражданского общества.

И вот тут второй тезис. С этой точки зрения, мы, как мне кажется, от гражданского общества сегодня дальше, чем были 20 лет назад, при Советской власти. Тогда, на волне активности, вызванной перестройкой, доминантой массового сознания стал принцип частного преуспевания. Моя старшая, очень домашняя сестра пришла посоветоваться, не бросить ли ей нелюбимую работу патентоведа и не за-

няться ли выпечкой на продажу пирожков, которые она всегда любила и которые очень хорошо пекла. Мой сосед по деревне, работящий, непьющий человек решил податься в фермеры, потому что почувствовал, что вот сейчас он может, наконец, себя реализовать. У сестры духу не хватило реально существенно поменять свою жизнь, а сосед сходил. И сегодня его никакими коврижками не заставишь заниматься предпринимательством.

Наше общество в тот период, поверив в свои силы, общечеловеческие ценности, наступающую эру благоденствия, дружно пошло во власть. И очень быстро многие вернулись «стриженными». И раньше основная часть населения не видела причинной связи между материальным благополучием и результатами своего труда, так уж устроена наша экономика. Приватизация государственной собственности еще более усилила иллюзию, что можно «на грош накупить пятаков». Тысячи действительно накупили, а основная масса стала вкладчиками «МММ», «Чары», «Тибета» и других структур со всеми вытекающими последствиями. Дефолт 1998 г. охладил пыл и тех, кто не пострадал в первые годы либеральных реформ, кто даже воспользовался этими реформами и уже чувствовал себя чуть ли ни средним классом.

В итоге принцип частного преуспевания превратился в принцип частного выживания. Психологи считают, что в нормальном обществе существует 13–19% активного населения. Для молодежи эта норма 25–30%. По данным опросов 2003 г., только 10% молодежи считало, что их будущее целиком зависит от них, и более 80% считало, что государство обязано обеспечить им социальные гарантии. В других возрастных группах уровень патернализма еще выше. Только 7% взрослого населения считает, что каждый человек обязан сам заботиться о себе. Этот принцип частного преуспевания, который был самым популярным в начале 1990-х гг., имеет сегодня 7% сторонников, и более 40% уверено, что их жизнь целиком зависит от деятельности правительства и президента.

Высокие мировые цены на сырье и энергоносители создают условия для постоянного подпитывания этого государственнического патернализма. У нас регулярно происходит дозированное повышение заработной платы и пенсий. Такие повышения не решают материальных проблем населения. Но они еще более убеждают его в том, что проблемы его жизни и смерти целиком находятся в руках президента. Те данные, которые были сегодня оглашены, о чем говорил В.К. Левашов, точно ложатся в тот контекст, который мы получаем в ходе своих опросов. Налицо явная неэкономическая самостоятельность, и здесь очень мало возможности для самоорганизации.

В Советском Союзе было много псевдоорганизаций, но ведь были и организации, которые возникли в результате творчества масс.

Были студенческие строительные отряды, молодежные строительные кооперативы, клубы авторской песни, были полностью выродившиеся сегодня правозащитные организации. Этот список можно продолжать и дальше. Даже у самой большой советской массы – очереди – были элементы самоорганизации (записи, перекличка, десятники и т. д). Это, действительно, были не официальные, какие-то уродливые, но все-таки элементы гражданского общества. Совсем формальная структура Общества Красного Креста и Красного Полумесяца в мои студенческие годы на факультете раз в год проводила День донора, и было как-то неприлично, не по-мужски отлынивать от сдачи крови. Сегодня я знаю в стране только одну инициативную и общественно значимую структуру – это «белые копатели», которые ищут останки погибших в Великой Отечественной войне. Работоспособным является Комитет солдатских матерей, но я, по правде сказать, не знаю, насколько эта организация является самоорганизацией, как, впрочем, и большинство некоммерческих организаций. Я охотно поверю, что чего-то не знаю, что на самом деле у нас в обществе много общественных организаций, но как обыватель вокруг себя я их не вижу, а гражданское общество – это, по сути своей, общество обывателей.

Теперь последний тезис, и это самое главное. Есть исторически сложившееся гражданское общество, и есть проект сознательного моделирования такого общества в современной России. О способности бюрократии реализовать этот проект, мне кажется, можно не говорить. И понятно, почему. Значит, остаются благодетели за рубежом и сознательные граждане внутри страны. Если можно осуществлять демократию в Ираке, почему нельзя построить гражданское общество в России? Технологически кажется все совсем просто, надо взять основные структурные элементы этого исходного образца и перенести на российскую почву.

О почве я говорил уже много, скажу еще два слова, мне кажется, они стоят того. Мы не просто развивающееся общество, мы – социум, который уже побывал на заключительной стадии индустриального общества, со всеми его чертами, с его массовизацией и атомизацией человека, с его стандартизацией образа жизни, с его потребительством, и одного вируса массовизации, который сегодня разъедает классическое гражданское общество, в том числе и французское, вполне достаточно для того, чтобы проект стал трудно реализуемым.

У американцев есть право на исторический оптимизм, хотя они за него платят очень дорого. Но мне кажется, у нас сегодня этот оптимизм вообще на грани профессионального кретинизма. Поэтому, с моей точки зрения, условий для успешного развития гражданского общества в ближайшие годы просто нет. Я понимаю, что есть люди,

которые исповедуют другую точку зрения, но, на мой взгляд, для того, чтобы этот теоретический спор получил практическую реализацию, добрые люди организовали сегодня эксперимент. Иван Данилович Жук сказал, что других целей у него нет, это реформа ЖКХ. Если реформа ЖКХ состоится, значит, с гражданским обществом у нас все в порядке, а если она вынесет на поверхность новую генерацию прохвостов, которые превратят каждый многоквартирный дом в очередную маленькую «Чару», «Тибет» и т. д., значит, в нашем Отечестве есть еще «отдельные» недостатки. Поживем – увидим.

Шабров О.Ф., доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и политического управления РАГС

Постановка вопроса, как она звучит сегодня на «круглом столе», состоялось ли гражданское общество в России, для меня несколько необычна. Вопрос о том, есть ли гражданское общество, по-моему, не стоит никогда, пока есть государство. Если его нет, то тогда о чем писал Гегель? Маркс о чем писал, когда говорил о виде гражданского общества в условиях монархии немецкой, прусской? О чем писал тогда Ключевский, анализируя гражданское общество в Руси XII в., или Карамзин, который сравнивал гражданское общество наполеоновской Германии с гражданским обществом в России при Екатерине II?

Нам нужно быть более строгими в понятиях. Я не собираюсь вступать в понятийную дискуссию, я просто обозначу свою позицию.

Для меня гражданское общество – это сфера самоорганизации, в отличие от государства, где существуют другие отношения – вертикальные отношения в сфере управления в обществе в целом. Если это сфера самоорганизации, то здесь я согласен с С.В. Тумановым, его нельзя строить, все, кто из государственного аппарата собирается строить (а у нас есть любители построить гражданское общество), могут породить только искусственные конструкции типа «Единой России», не знаю, почему у нас относят ее к числу партий. И возникает тогда, действительно, не гражданское общество, а некие симулякры, видимость некой конструкции, которая к самоорганизации никакого отношения не имеет. Но именно сфера самоорганизации обеспечивает потенциальную возможность развития любой системы управления, стабильность и условия для сферы самоорганизации в любой живой системе.

И поэтому возникает вопрос о первом условии нормального функционирования гражданского общества. Можно говорить о том, какое гражданское общество, насколько оно сформировалось как система, а это предполагает, во-первых, структурирование, система –

это структура. И, во-вторых, это выполнение основной функции системы и качества, основная функция сферы самоорганизации – обеспечение развития, порождение новых форм, которых прежде не было. Если это есть, значит, оно сформировалось как целостность. Конечно, как целостность наше гражданское общество далеко от того состояния, которое способно обеспечить России устойчивое развитие. Но чтобы оно было способным для этого, государство должно выполнять, вообще говоря, единственную функцию по отношению к гражданскому обществу: обнести себя «красными флажками» и не позволять чиновнику лезть туда, где развитие должно осуществляться путем самоорганизации. Ничего страшного, если кто-то проплатил Комитет солдатских матерей, самоорганизации в человеческом обществе в полном смысле быть не может. Главное, чтобы по отношению к государству это была самоорганизация, чтобы не государство формировало.

Если мы таким образом ставим вопрос и рассматриваем проблему в России, тогда должны сказать, что гражданское общество может развиваться и нормально функционировать только в условиях правового государства. Что значат эти «красные флажки», за которые чиновник на полшага не должен заступать? Это и есть правовое государство. В законе записано, что это я могу сделать, а это не могу, и все.

Проблема правового государства, правового сознания стала предметом недавнего исследования, которое мы провели совместно с другими членами нашей кафедры по программе ТАСИС, подписанной Государственной Думой. Некоторые результаты опубликованы вчера в «Российской газете» на 12-й полосе.

Один из вопросов был поставлен так: «Кто прежде всего нарушает трудовые, социальные, гражданские права населения?». Мы получили следующее ранжирование. На первом месте у нас оказалась сложившаяся система власти. На втором месте – суды, потом – преступники. Вы понимаете? Оценка работы судов: почти половина респондентов считает, что судьи коррумпированы; 46% считают, что суд делает то, что ему скажет власть; судьями управляют богатые и т. д. 16% определили, что судьи руководствуются законом и только законом. Это правоохранительная система, та самая, которая обязана следить за соблюдением наших прав. Я сейчас не беру проблему законности, другие проблемы, но очень проблематична устойчивость власти с этой ситуации. Эти результаты показывают, что государство вторгается в сферу прав и свобод человека, в сферу гражданского общества, туда, где мы от государства не должны зависеть. С этой точки зрения мы сегодня совершенно не готовы к разговору. Да, гражданское общество состоялось еще в XII в. как минимум, об этом гражданском обществе писал Ключевский, именно на Руси. Но вопрос: какое оно

и способно ли оно, как сфера самоорганизации, выполнять функцию обеспечения развития общественной системы? Я думаю, нет.

Сегодняшний разговор и обозначенные проблемы местного самоуправления – это тоже один из важных элементов самоорганизации гражданского общества. Если оно действительно отделено от государства, тогда это элемент гражданского общества. Но если государство различными путями, и недофинансированием, и определенными противоречиями в законодательстве не выйдет из этой сферы, значит, у нас нормального самоуправления не будет. И это не зависит от областной думы и любой другой. Государство должно себе обозначить, что это решаем не мы, чиновники, это решают граждане сами, и они должны иметь для этого, естественно, свои средства.

Гражданское общество обладает колоссальным потенциалом, это потенциал самоорганизации, потому что именно там действуют законы синергетики, в отличие от сферы управления. Но гражданское общество не способно государство создать, оно способно только государство разрушить, такое бывало в истории, в том числе и России. Нужна определенная степень ответственности и определенная прогностическая возможность сделать так, чтобы это неструктурированное гражданское общество не разрушило государство.

Мы приступаем к очередному избирательному циклу, понятно, что многие этим обеспокоены. В самом деле, гражданское общество, с одной стороны, противостоит государству как сфера самоорганизации противостоит сфере управления. Но зрелое гражданское общество – как раз та сила, которая способна обеспечить устойчивость существующей государственной власти, как это ни парадоксально. И в его отсутствие возможно что угодно «оранжевое»; тут ситуация совершенно непредсказуемая, именно в связи с тем, что действующие партии являются фактически симулякрами. Сегодня они есть, сегодня они сильные, они обеспечивают себе поддержку избирателя, а что будет завтра, трудно сказать.

Левашов В.К.

У меня и у вас прозвучал вопрос отношений гражданского общества и государства, диалектики этих отношений. Вы сказали о том, что гражданское общество способно разрушить государство. Не считаете ли вы, что оно призвано своей главной функцией, действительно, обеспечить его устойчивость через минимизацию его функций? В этом, может быть, как раз и есть функция гражданского общества, чтобы постепенно отбирать у государства те функции, которые давят и разрушают само гражданское общество?

Шабров О.Ф.

Думаю, здесь нет противоречия. Гражданское общество способно обеспечить устойчивость государства, в том числе за счет того, о чем вы говорите. Но сформировать новое оно не может; оно не может сконструировать правовое государство, само гражданское общество правовое государство нам не сконструирует. То, что есть, оно может разрушить.

Марченко Г.И., кандидат философских наук, доцент философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Тезис о минимизации государства представляется мне достаточно понятным в свете всеобщего недовольства, неудовлетворенности самим государством. И я думаю, что все мы находимся под властью этого широко распространенного предубеждения. Но я все-таки выражу некое сомнение по отношению к высказанной мысли.

Функции, которые выполняют гражданское общество и государство, разные. Хотя одновременно они могут и совмещаться, гражданское общество может брать на себя социальные функции, которые не выполняет государство. В частности, можно упомянуть всевозможного рода богадельни, кружки, общества, первые из которых возникли давно. До тех пор пока существует государство, пока оно развивается, будут появляться все новые и новые направления внутри самого общества, которые не будет покрывать государство, и тогда, когда инициативные, гражданственно мыслящие, озабоченные не только своим частным интересом люди берут на себя миссию осуществить эту роль. Это, с одной стороны. С другой – от веку гражданское общество высказывало и высказывает сомнение, недоумение тем, что творит государство. И в разных формах, допустим, неудовлетворение, которое высказывали духовники деятельностью Ивана Грозного (правда, он их «закатывал»).

Что же такое тогда гражданское общество? Можно ли свести его к чему-то формализованному, институционализированному? Есть ли это некие организации, которые когда-то возникли, и можно датировать возникновение этих организаций, или все-таки, в полном духе с фразой Некрасова «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»? Но тогда количество граждан в любом обществе, и до возникновения государства, или во времена феодализма, или ныне, будет огромно, да и внутри государства тоже есть люди, которые озабочены делом. Ведь нельзя же ставить знак равенства между гражданским служащим и взяточником, это, наверное, будет чересчур.

Г. Ласуэлл развеивает миф о том, что любой политик – это обязательно мерзавец и взяточник.

Я не знаю, как можно соразмерить количество честных людей в самой политике с теми, которые брали, берут и будут брать. Хотел бы вспомнить Константина Петровича Победоносцева. Обер-прокурор Синода, советник трех императоров – Александра II, Александра III, затем Николая II. При этом инициатор создания тех обществ, которых и сегодня толком-то нет, например, обществ трезвости, на фоне повального пьянства, на волне развития первого капитализма в России. И второго общества, уже при Церкви – церковно-приходских школ. Сегодня у нашей Православной церкви есть движение за воскресные школы, потому что не дают возможности создавать нормальным образом в русских территориях такого рода движение. Это, безусловно, честный человек, который взяток не брал, это известно, не в пример Ф. Бэкону, который «сгорел» на этих самых взятках, будучи вторым человеком в английском королевстве.

Я считаю, что существует неформальное измерение гражданского общества, измерение сердца. Есть измерение общественное, институциональное. Вряд ли нужно все сводить только к движениям против, т. е. протестным. Были и есть те движения, которые были «за», и такого рода движения были во все времена. Нередко они инициировались самим государством, понятно, в поисках поддержки.

И, наконец, третий слой, собственно внутри самого государства. Существовали и существуют внутри самого государства чиновники, государственные служащие, бюрократы, люди, которые думают все-таки о народе, о населении. И тогда жесткое разграничение и демаркация между гражданским обществом и государством становятся рыхлыми.

Ответ на вопрос о гражданском обществе выглядит неоднозначным. Тут вопрос в конкретных измерителях и параметрах, операционализации. Если институт демократии выработал, наверное, добрых сто критериев, по которым проводится измерение общества демократического, то в отношении гражданского общества я не встречал. Есть количество партий, факт наличия или отсутствия проведенных выборов. Мы знаем, насколько сомнителен этот критерий. Поэтому нужно поставить вопрос: существуют ли критерии, по которым можно взвесить и сравнить конкретные гражданские общества, которые возникают в наших национальных республиках, на территориях, с тем, чтобы сделать карту, которая позволяет нам как исследователям понять, где гражданского общества больше, а где – меньше. Здесь можно и нужно было бы перевести этот вопрос в сугубо исследовательскую плоскость. Пока у нас нет точных измерителей, которые позволяют ответить с цифрами в руках на этот вопрос, который в программе задан, я считаю, что до тех пор у нас ответа пока просто нет.

Патрушев В.И., доктор социологических наук, профессор РГСУ

Проблема, которая сегодня обсуждается на «круглом столе», вызывает живой интерес. Я хотел бы в этом плане высказать три тезиса.

Первое. Я считаю, что сегодня повышается планка социологии как науки, исследующей гражданское общество, и социологии управления в частности. Мы говорим о формах управления, самоуправления, самоорганизации. Обсуждая проблему гражданского общества, мы должны коснуться и новой социологической парадигмы, потому что в том виде, в котором мы работаем, она нас не устраивает, и мы не даем ответа. Не случайно говорят о постнеклассической социологии, неоклассической социологии. Я более или менее разделяю точку зрения сибирских социологов, конкретно С.И. Григорьева, это виталистская социология, исследующая жизненные силы человека, жизненные силы региона, жизненные силы местного самоуправления и жизненное пространство, как оно обустраивается.

Ключевой проблемой является то, что в середине прошлого века в мире произошла управленческая революция, породившая мощный предпринимательский слой. Менеджеральную революцию он выиграл, и «синие воротнички», которых мы в свое время критиковали, составили основу среднего класса. Это западный подход: есть проблема – есть организация. Как только возникла проблема, немедленно появляется организация, неправительственная, естественно, которая эту проблему начинает решать. Как мы поступаем? В лучшем случае пишем жалобу или идем на прием к начальству, вот разница по отношению даже к той проблеме, когда мусор около дома валяется, и все равно надо идти в ЖЭК, писать жалобу, на прием идти и т. д.

В этом ключе следующая революция – информационная. На нее мы плохо отреагировали, сейчас наверстываем, пытаемся подготовить управленческие кадры на всех уровнях, в том числе в системе государственной службы. XXI век – совершенно другая обстановка, другие отношения, информационная эпоха, информационная революция. Каким образом наше гражданское общество воспримет эту информационную революцию, новую информационную культуру, когда дома, пожалуйста, заходи на сайт? Это, кстати, и есть самоорганизация: заходите, изучайте.

Сегодня актуально формулирование социальных целей, вокруг которых может формироваться гражданское общество. Думаю, что объединяющая идея для становления гражданского общества – социальное здоровье населения России. Все мы желаем здоровья. Но, к сожалению, если говорить о лекарствах, огромные миллиарды долларов зарабатываются на нездоровье российского народа, 10 миллиардов рублей – на биологических добавках, 10–15 млрд долла-

ров – на лекарственных продуктах питания, которые вообще есть нельзя, потому что из Европы идет. На нездоровье тратится сегодня за счет природных ресурсов, продажи нефти и газа 50 млрд долларов для того, чтобы мы с вами с каждым днем ухудшали свое здоровье. В этом плане институты гражданского общества могли бы объединиться и поставить заслон тому, что работает против здоровья человека, против качества жизни и против того, что снижает уровень жизни людей. Таким институтом должно быть прежде всего местное самоуправление. Если на этом уровне люди не привыкнут жить и сами управлять небольшой территорией, то, конечно, никакого гражданского общества быть не может.

В этой связи важным является исследование проблем общинного самоуправления. Мы выделили такие общины, анализируя большие массивы информации: теориториально-поселенческая община; религиозная община (особенно сейчас, потому что православие разъедается кошмарными сектами, сектантством); самоуправление трудовых коллективов; социальные корпорации, которые объединяют население. Если экономические связи не будут работать, если население не будет втянуто в эти экономические отношения, в систему социально-экономической поддержки интересов населения, конечно, мы сформировать гражданское общество не сможем.

И еще один институт я хотел бы назвать – общественные академии. Критически к ним относится Российская академия наук, но их свыше 400, общественные академии – это клубы по интересам. Например, Российская академия естественных наук – это больше 10 тыс. ученых, туда приходят люди со своей головой, со своими мозгами, получают какую-то в этом клубе поддержку. И люди там работают, не получая ни копейки. Этот институт академий реально существует, в том числе Академия наук социальных технологий и местного самоуправления, которая издает Энциклопедию управленческих знаний на общественных началах. Уже вышло 20 томов для населения. Выходит журнал «Муниципальный мир», тоже на общественных началах.

Мне кажется, что сегодня общественные институты нужно поддерживать. Нужно обратиться с нашими исследованиями в руководящие органы и центры, Государственную Думу, с тем, чтобы часть государственных функций передать этим общественным организациям. Сколько просит Российский союз товаропроизводителей, это общественная организация, дайте часть государственных функций, мы будем экономикой управлять – ничего Минэкономики не передает и не собирается этого делать. Это изоляция, но смысл в том, чтобы было развитие.

Леденева В.Ю., кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии РАГС

Спецификой России является то, что она традиционно принадлежит к странам, которые больше ориентированы на государство, чем на общество. В ней сложился тип общественной системы, в основе которого лежит эффективность власти, а не собственности, и характерны «перевернутые» отношения собственности и власти. Укоренено убеждение о необходимости сильного государства, что нередко уравнивается с самоволием власти. Общество традиционно недостаточно автономно и независимо, граждане часто оставлены на милость и немилость всемогущих политиков. Это – исторические причины, сдерживающие развитие гражданского общества.

Однако существуют и современные причины, блокирующие это развитие. Во-первых, хотя за годы реформ и произошли существенные изменения в направлении формирования гражданского общества (возникли элементы рыночной инфраструктуры, приостановлен интенсивный рост цен, ликвидирован товарный дефицит), страна несколько лет находилась в тяжелом экономическом кризисе. Образовался большой разрыв в уровнях доходов между разными социальными группами. Российское общество характеризуется огромным неравенством в доходах, неприязнью между богатыми и бедными, между элитой и населением. В результате возникают социальные основы для авторитарного режима с националистическими чертами.

Во-вторых, хотя в настоящее время в России и существуют многочисленные самостоятельные организации и движения, их деятельность нередко сводится к соперничеству за право представлять народ. Немалое распространение в России получили националистические лозунги и движения. Национально ориентированные субъекты преобладают над демократическими. «Идея гражданского общества, – считает З.Т. Голенкова, – не может быть реализована в политических границах закрытого национального государства. Гражданское общество в полном смысле этого слова должно быть открытым обществом. Подчеркнуто национальное общество, как правило (на основе опыта европейской истории), закрытое и авторитарное общество». По ее мнению, современное российское общество является квазигражданским, структуры и институты которого, обладая всеми формальными признаками образований гражданского общества, выполняют противоположные функции.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы и обозначить возможные тенденции формирования гражданского общества в России.

Несмотря на все трудности, непреодолимых препятствий для развития гражданского общества в России нет. Основными барьерами на пути формирования гражданского общества в России до недавнего времени являлись экономический кризис, кризис государственной власти, криминализация общества. Усиление влияния различных националистических и авторитарных лозунгов также ослабляет возможности гражданского общества укорениться на российской почве. В обществе нарастает социальная напряженность, которая является следствием потребности в порядке и правовых гарантиях жизни. Построение гражданского общества по западному образцу в российских условиях маловероятно. Для России необходима собственная модель, адекватная российским условиям и менталитету русского человека. Она еще не выработана, однако можно предположить, что гражданское общество в России будет воплощать в себе такие идеалы русского народа, как соборность, духовность и ориентация на общие цели через реализацию частных.

Яковлев И.Г., кандидат исторических наук, директор научно-исследовательского центра Московского городского университета правительства Москвы

Мне импонирует определение, данное в учебнике, выпущенном кафедрой социологии РАГС в прошлом году, где гражданское общество понимается как система самоорганизации граждан при реализации ряда функций в рамках социальной, экономической, политической и государственной сфер. Если исходить из этого определения, гражданское общество и государство взаимопроникают друг в друга. Мало того, я надеюсь, что мы не откажем уважаемым чиновникам в праве называться гражданами. Это, наверное, вполне естественно. Таким образом, это взаимодействие неизбежно, и мы можем говорить о большем или меньшем влиянии государства на жизнь общества. И если говорить об инструментарии измерения, то он существует. Это семантические шкалы. Мы говорим о либеральном обществе, а иногда даже об обществе анархии, но, с другой стороны – об этатистском, т. е. государственническом обществе, а, может быть, об обществе авторитарном или даже тоталитарном. Мы можем выстроить четкий логический ряд, с помощью которого взаимодействие гражданского общества и государства вполне реально измерить.

Насколько влияет государство на жизнь нашего общества? Такое влияние есть, оно реально и его можно измерить, например, исходя из анализа конституционных документов. Даже анализируя полномочия и права отдельных конституционных органов или должностных лиц, например, Президента, мы можем судить о роли и влиянии го-

сударства на жизнь общества. Вот здесь на схеме, например, речь идет о полномочиях и правах, сдержках и противовесах, соответственно, для Президента России и Президента Республики Беларусь. В том случае, если мы начинаем реальное сопоставление политической действительности наших стран, мы поймем, что Президент Белоруссии просто не может не воспользоваться своими полномочиями. Они ему дарованы Конституцией и, следовательно, он их будет использовать при любых обстоятельствах.

Бойков В.Э.

Все же полномочий больше у Путина или у Лукашенко?

Яковлев И.Г.

У Президента Белоруссии. По очень многим основаниям.

Левашов В.К.

В абсциссе что у вас идет?

Яковлев И.Г.

Сдержки-противовесы, права-полномочия. В данном случае мы можем сравнивать полномочия и права, например, Президента и Правительства, соответственно, России и Белоруссии. Мы можем измерять конституционные права и полномочия других стран. Проведенный здесь анализ показывает такое соотношение полномочий Президента России, Президент Украины, Президент Белоруссии, Президент Казахстана и Туркмен-баши. За счет чего выросли полномочия Президента Белоруссии А.Г. Лукашенко? За счет его выигрыша на референдуме и, соответственно, переизбрания на третий срок. Есть ли в Европе президент, который обладает бóльшими правами и полномочиями, чем Президент Белоруссии? Оказывается, есть. Это президент Франции. Кстати, противодействие гражданского общества этим исключительным полномочиям французского президента мы сейчас видим на улицах Парижа.

Есть возможность с помощью этого инструментария измерять, что происходит, например, в государстве в процессе властного передела в Российской Федерации. Здесь на схеме показаны два властных передела, которые имели место после изменения системы формирования Совета Федерации. Вы помните, что до первого передела власти фактически губернаторы и руководители законодательных собраний

входили ex officio в Совет Федерации. Но после изменения системы формирования Совета Федерации положение изменилось, у губернаторов, у парламентов регионов, соответственно, увеличилось количество сдержек и противовесов и уменьшилось число полномочий.

Но был и второй властный передел, который выразился (после Бесланских событий) в том, что изменилась система назначения губернаторов. Соответственно увеличился уровень влияния Президента России, парламента регионов, уменьшился уровень влияния губернаторов. Замечу, без изменения Конституции РФ. Значит, в этой связи мы можем говорить о том, что доля государства и, соответственно, доля общества в управлении государством не изменилась. И подобного рода «картинки» позволяют измерить роль гражданского общества в государстве и роль государства в жизни общества.

Митрошенков О.А., доктор философских наук, профессор, заведующий сектором Социологического центра РАГС

Рассмотрю лишь отдельные грани вопроса о гражданском обществе.

Признаки гражданского общества в России как будто бы очевидны. Конституцией закреплены основные права и свободы, отменена цензура. Есть разные партии, парламент, социальные группы и акторы – бизнес, многочисленные СМИ, профсоюзы, суд и т. д. Есть гражданские протесты – против монетизации льгот (январь 2005, 240 тыс. чел.), увеличения цен на бензин (февраль, 50 тыс.), реформы ЖКХ (март, 100 тыс.), новых правил дорожного движения (январь 2006, 10 тыс. чел.), митинги в поддержку О.Щербинского (февраль, 25 тыс.). В сумме за два года прмерно 425 тыс. человек выступило. Во Франции, как вы знаете, только вчера вышли 3 млн.

На некоторые протесты власть реагирует вполне конструктивно. Создана Общественная палата. Пожалуй, из значимых штрихов гражданского общества как будто бы все.

Более глубокие размышления показывают, что тезис о наличии в России гражданского общества весьма спорен. Гражданского общества в традиционно западном понимании в России скорее нет, чем есть. Сегодня на просторах страны скорее есть совокупность атомизированных и довольно бесправных индивидов, фрагментированных образований, которые гражданского общества не создают. То, что есть, не является ни балансиром, ни тем более партнером для государства.

Существует вместе с тем несколько признаков отсутствия гражданского общества в России. Первый – расколотость российского социума и населения. Расколы просматриваются по различным ли-

ниям – бедные и богатые (основной, децильный коэффициент официально составляет 1:17, неофициально – 1:30); центр и регионы; столица и провинция; элиты и народ; чиновники и все остальные. Есть расколы по национальным, религиозным, культурным, поколенческим основаниям. Часть из этих расколов не уменьшается, а скорее углубляется.

Второй признак – отсутствие того, что делает общество обществом, а не конгломератом атомизированных существ и дезинтегрированным социумом – объединяющих систем ценностей. Таких, как доверие, солидарность, согласие по базовым основаниям общества, уважение к жизни, личности и достоинству человека. Доминирует противоположное, т. е. то, что десоциализирует его. Присутствует также то, что усугубляет расколы и является антиценностями – бедность населения и паталогическая алчность и нечестность российского бизнеса, как крупного, так и среднего и мелкого. Но там, где одни акторы реализуют свои жизненные интересы за счет обмана других, гражданского общества быть не может. Какое тут может быть социальное здоровье?

Эти антиценности затронули все общество. Даже в близких нам высшем образовании и науке жадность, несдержанность одних усугубляет раскол с другими. В вузах, академических институтах главные персонажи – не ученые и преподаватели, не студенты, а административная верхушка, которая откровенно перераспределяет деньги в свою пользу. Как может относиться к этой верхушке профессор, если он вынужден зарабатывать на жизнь в трех–четырех местах, и ему совершенно не до науки? Это одна из причин того, что наша социальная наука в целом вторична, за последние 15 лет не произвела ни одной идеи мирового уровня.

Третий признак – фактическая бессубъектность российского социума. Субъект общества – это социальная единица, способная постоянно принимать и реализовывать социально значимые (в масштабах общества), самостоятельные и ответственные решения и действия. У нас есть акторы, действующие лица, статисты, даже личности, но субъектов нет, поскольку ничего не решают. На мой взгляд, субъектов в России два – Президент и бюрократия. Президенту одному страну не вытянуть, тем более с помощью российской бюрократии. Тот факт, что решают президент и его администрация, а остальные лишь реализуют его волю, и то малоэффективно, и есть выражение бессубъектности российского общества. Поэтому ни бизнес, ни СМИ, ни средний класс, которого нет, ни корпоратизм, ни профсоюзы, ни суд, ни Госдума, ни Совет Федерации субъектами не являются. Бессубъектность общества противоречит демократии и рыночной экономике (ибо нет ни серьезных независимых партий, ни неуязвимого бизнеса

с его частными интересами), следовательно, и гражданского общества. А в бессубъектном обществе не может быть никакого диалога. Поэтому в России сегодня проходят конференции, «круглые столы», но национальной дискуссии, диалога об общезначимых вещах нет.

Бессубъектность российского социума связана с тем, что различные слои не прошли периода самоидентификации и оформления собственных интересов. Спокойствие в России зиждется на пассивности и неорганизованности низов и слабости верхов. Но эти стабилизаторы носят временный характер и в любой момент могут отказать. Обычно неорганизованное недовольство низов выливается в бунт, организованное – в революцию. Чем это заканчивается в России, известно.

Четвертый признак – отсутствие среднего класса. Средний класс – медианный, он стягивает полярности, которые при отсутствии среднего класса «объединены» пропастью. В этих условиях государство чувствует себя комфортно, поскольку нет воздействия со стороны разрозненного общества. По этой причине государство претерпевает опасные трансформации, становясь корпоративистским. Это значит, что оно преследует свои собственные цели и интересы, отличные от целей и интересов общества, что противоречит его природе и интенции целого. Суть этой модели – в государственном перераспределении ресурсов «своим». Сравнение расходов на национальные проекты в 2006 г. (5 млрд долларов) с уже осуществленными тратами госкомпаний на новые активы в 2005 г. (23 млрд) показывает, что для такой корпорации главное.

Недавно депутаты Госдумы выступили с инициативой снять действующий (с 1990 г.) законодательный запрет для себя на параллельное занятие бизнесом. Это требование отражает доминирующее представление депутатов о политической деятельности как прежде всего способе «подзаработать», обрести собственность. В самосознании депутатского корпуса нет и намека на поворот к статусу «слуги общества». Скрыть этот цинизм от населения нет никаких шансов. Поэтому 38,6% респондентов считают, что «Единая Россия» защищает собственные интересы, 36,4% – Президента РФ, 23,0 – бюрократии, 19,9 – бизнеса, и только 17,5% – всего населения.

Качество управления в стране со стороны государства остается низким. Оно не смогло задать цивилизованных правил игры. Верховенство закона и безопасность населения от криминала не обеспечены. Согласно нашим исследованиям, для судов главный фактор при принятии решений – деньги и административный ресурс, а не закон. Модернизации страны и экономики не происходит, хотя известно, что сырьевая модель – это путь в «третий мир», исторический тупик, за выход из которого, как обычно, заплатит российское население.

Пятое. Бюрократия стала ведущим субъектом корпоративного государства. Бюрократизация по-российски и сопутствующие ей теневые отношения, клиентелизм, коррупция, система взаимных обязательств пронизывают все больше сегментов общества (тендер, конкурс по-российски – «пиление» денег, «откат»). Сращивание же бюрократии с бизнесом и политикой опасны как для бизнеса, так и для политики. Бизнес вынужден платить ренту, политика – проводить частные интересы. Выдавливание из политики всех сил, кроме бюрократии, создает почву для радикализма любого толка. Этот узел способен стать гордиевым, который, как известно, лишь разрубается. А как рубят узлы в России, тоже известно.

Наше исследование показало низкий уровень доверия к политикам, вынужденность приспособления к действиям властей, скепсис в возможности влиять на их решения. Это – не просто критиканская позиция. Это основано на опыте общения с органами власти и управления, когда людям не удается решить важные вопросы или такое решение сопровождается слишком большими издержками. Поэтому они и не считают власть, ориентированной на интересы граждан. Пред глазами и опыт СМИ: они могут делать сколько угодно передач или публикаций о нарушениях со стороны власти, однако это крайне редко сопровождается реакцией критикуемых органов или чиновников, тем более постановкой вопроса об их ответственности. Они их просто игнорируют. Несоразмерность выступлений СМИ и реакции на них известны людям и лишь укрепляют их в мнении о невозможности влиять на решения властей. Так, эксперты сочли, что менее всего ст. 19 Конституции РФ, («все равны перед законом и судом») действует применительно к Госдуме и правительству, правоохранительным органам и судам, прокуратуре и милиции. Главным нарушителем закона в глазах экспертов выступает само государство. С этой точки зрения Россия, несомненно, нуждается в гражданском обществе.

Однако развитие гражданского общества – это не одностороннее движение, не монополия государства и каких-то органов. В самом обществе важно осознание необходимости действий в этом направлении. Однако сегодня мало людей готовы участвовать в контроле за деятельностью органов власти, в работе общественных организаций и самоуправления. В результате образуется замкнутый круг: власть игнорирует интересы граждан, которые отвечают ей тем же. Ситуация начнет меняться только тогда, когда само общество научится влиять на власть, задействуя разные каналы. Но для этого важно осознать: защита своих прав и интересов – не что-то внешнее и второстепенное, а результат постоянных усилий за утверждение их в повседневности. Даже если борьба с собственной бедностью требует неоправданно много сил.

Что же делать? Нужны прежде всего новые модели мышления и действий, решительные и эффективные. Но есть и много простых вещей, о части из них еще две тысячи лет назад в Нагорной проповеди сказал Христос. Каждому не увеличивать количества зла в мире, оздоравливать пространство вокруг себя. Взращивать доверие, формировать атмосферу внутренней сдержанности людей, распространять отмеченные базовые ценности. Это все неосязаемо, тонко, но без этого общество есть лишь совокупность индивидов, не более. Формировать средний класс, уменьшающий расколы в обществе. Создавать условия для появления значимых и автономных субъектов общества (средний класс, бизнес, независимый суд, профсоюзы, СМИ и т. д.). Сегодня СМИ могут писать о чем угодно, только мало кто на это реагирует, хотя и прочитают, и заметят. Сегодня России нужны Косыгины и Эрхарды, а не Черномырдины и Кириенко. Необходимо устранить трудовую немотивированность населения – за счет адекватной оплаты труда, придания ему общезначимой ценности, что важно для россиянина, устранить дискриминацию труда путем сокращения его рыночной стоимости. Кроме того, современная жизнь проективна и технологична. Почему бы черные PR-технологии не превратить в белые и не направить их возможности на решение проблемы гражданского общества? Нужны институциональные изменения, обеспечивающие сближение интересов труда и капитала, их сотрудничество. Добиваться социально приемлемого уровня их солидарности.

Не приходится надеяться на нынешние взрослые поколения. Нет никаких элит, способных к инновациям. Однако в сегодняшних детях есть потенциал успеха и эффективности. Среди них есть морально чистые группы. На это и надежда.

Егоров В.К., доктор философских наук, профессор, президент-ректор РАГС, заведующий кафедрой теории и практики культуры

Я затрону два положения, о которых говорил О.А. Митрошенков, не столько полемизируя, сколько в порядке постановки вопроса. Думаю, спорить сложно и не нужно с тем, что гражданское общество у нас только в стадии становления, может быть, чуть ли не в зачаточном состоянии. Но, с другой стороны, Олег Александрович, я приглашаю к дискуссии, не сегодня, а, может быть, мы найдем возможность продолжить эту тему в Академии, она для нас чрезвычайно важна.

К тезису бессубъектности и что под этим понимать. Я не очень согласен с мнением, которое существует у политологов, социологов, наших политиков в России относительно того, насколько самостоятель-

ны, или ангажированы, или не ангажированы наши СМИ. Если вы регулярно имеете возможность слушать наиболее популярные российские радиостанции, скажем, «Эхо» или «Маяк», то эти СМИ можно назвать скорее оппозиционными, нежели пропрезидентскими или проправительственными. И говорить только о том, что все, что формирует наше сознание, то, что влияет на настроение людей, это два государственных телеканала, было бы неверно, потому что стоит немножечко отъехать от Москвы, как ситуация очень серьезно меняется.

Недавно я был во Владимире, он считается «красным поясом», хотя губернатор давно вышел из КПРФ и избрался второй раз от «единороссов». Если посмотреть на наиболее популярные владимирские каналы информации, то такого однозначного впечатления тоже нет. Тем более все хорошо знают, что практически средняя российская семья сегодня центральную прессу выписывает мало. Если говорить о печатном слове, то преимущественно и по тиражам, и по тому, что это доставляется на стол в каждую семью, все-таки это региональные и местные газеты, где тоже чересполосица достаточно приличная. Я думаю, что следует посмотреть под этим углом зрения на то, что являют собой наши СМИ, поскольку мне кажется, что это явление более сложное, нежели нам иногда пытаются сформулировать однозначно.

Второй вопрос по этому поводу – это институт Президента, и насколько он – один субъект. Правда, второй субъект еще – наша российская бюрократия, но о российской бюрократии я бы говорить не хотел ничего. Могу сказать, что, если взять по стобалльной системе, или 100 специалистов пригласить, которые будут оценивать российскую бюрократию, смею уверить, что я буду в первой пятерке наиболее критически относящихся к российской бюрократии, это, вообще говоря, штука ужасная, конечно.

Но что касается Президента, вещь очень интересная, смотрите. У нас субъект № 1 Президент Владимир Владимирович Путин, но по поводу института президента как единственного субъекта я бы здесь поспорил, подискутировал. Вспомним, что было у нас до 1999 г. и с рейтингами, и с возможностью управляемости, и с тем, насколько воля президента с другой фамилией была субъектно давящей над всем российским не только обществом, но и государством, и мы скажем, что это совсем не так. И ведь сегодня проблема 2008 г., когда говорят о преемнике, и вся эта дискуссия вокруг этого, она ведь имеет еще одно, на мой взгляд, под собой основание. Я почти убежден, что какую бы фамилию ни носил третий Президент России после выборов 2008 г., он того, что сегодня имеет за собой и что взял под себя, если угодно, подмял Владимир Владимирович, сделать будет не в

состоянии, каким бы он харизматическим лидером ни был. Более того, на это потребуется очень приличное время.

Посмотрите, Конституцию не меняли, закон «О президентской власти» не изменялся, единственное – это надсмотрщики над субъектами в виде полпредов, но сказать, что у них властные полномочия, мы этого не скажем, они вообще достаточно бесправные, это приводные ремни, не более того. Единственное, более-менее серьезное, это порядок избрания губернаторов, и до того – изменение порядка формирования Совета Федерации. И то порядок формирования Совета Федерации так однозначно критиковать, как сейчас критикуют, я бы тоже не стал по одной причине. В конце концов, кроме всего прочего, была приведена в соответствие с нашей Конституцией невозможность объединения в одном лице исполнительной власти и законодательной. Когда лидеры и главы исполнительной власти всей России, всех субъектов Федерации олицетворяли и были верхней палатой парламента, вообще говоря, вот это достаточно неконституционно, а не только то, что мы говорим, что неконституционно сделали, когда сейчас изменили порядок. Это тоже вопрос юридически не очень простой и, может быть, нам тоже вместе с нашими юридическими кафедрами подумать и один из «круглых столов» или какую-то дискуссию провести и на этот счет, собрав социологов и юристов.

И последнее, в порядке реплики. Олег Александрович, а какую страну, какое государство, где мы полагаем, что гражданское общество, безусловно, состоялось и находится в развитом состоянии на сегодняшний день, мы можем назвать, где бы одним из элементов этого гражданского общества было бы наличие национальной дискуссии или общенациональной дискуссии по какому-то отдельному вопросу? Я бы пример так сходу и не привел.

Бойков В.Э.

Может быть, Швейцария? У них там много референдумов проводится.

Егоров В.К.

Может быть, Швейцария, а все остальное?

Левашов В.К.

Сейчас во Франции идет дискуссия, прямо на улице.

Егоров В.К.

Понимаете, в таком случае мы должны сказать, что самый развитый элемент гражданского общества в Российской Федерации у нас то, что в 1991 г., 1993 г. было вокруг Белого дома? Сомневаюсь.

Тема очень интересная. Я думаю, следует провести еще несколько подобных межкафедральных «круглых столов» и дискуссий в Академии. Можно найти очень любопытные подходы и повороты.

Бойков В.Э.

Думаю, мы все же немножко уточнили понятие «гражданское общество» и развернули его в сторону социологического знания, во-первых.

Во-вторых, мы затронули очень важную проблему качественного и количественного измерения того содержания, которое отражает понятие «гражданское общество», т. е. какова мера развития гражданского общества. Это имеет принципиально важное значение, мы говорили тут о критериях, показателях и т. д. Конечно, если брать сто, двести и более критериев, то никакое исследование не потянуть, но, тем не менее, на определенную волну это настраивает.

И третье. Мы констатировали, так мне показалось, что если оценивать современное состояние российского общества, то гражданское общество в определенной степени находится в состоянии аномии. Но мы говорили об этом не с точки зрения критики власти, а с точки зрения того, по какому пути требуется выводить это общество из аномии, поскольку это веление общественного прогресса и развития российского общества.

Я думаю, эти три аспекта, которые нам в следующих исследованиях надо будет иметь в виду, в том числе в инструментариях, программах исследований и т. д. И мы их, конечно, обозначим в наших публикациях.